

Темные времена. Враг

Автор:

[Александра Лисина](#)

Темные времена. Враг

Александра Лисина

ВременаТемные времена #1

Когда над миром сгущаются тучи, а смертные и бессмертные вынуждены объединиться, на плечи темного эльфа ложится ноша смертника, от которого зависит будущее нескольких рас. Но, отправляясь в полный опасностей путь, Таррэн не предполагал, что смерть с первых же дней последует за ним по пятам, бесшумной тенью заскользит вдоль зеленой обочины. Только подстережет его не в облике зверя или демона, а спрячется под маской простого человеческого мальчишки, чья исступленная ненависть к бессмертным способна разрушить все, к чему Таррэн шел не одно столетие.

Александра Лисина

Темные времена. Враг

Пролог

На Аккмал – древнюю столицу Интариса[1 - Интарис – самое крупное королевство людей. Расположено на западе мира, называемого Лиарой. – Здесь и далее примеч. авт.] – быстро спускалась ночь, расцвечивая небо мелкими точками далеких звезд и принося с собой долгожданную прохладу. С ее приходом спрятались в темноте обшарпанные стены домов. Мрачноватые

каменные башни, разделяющие столицу на кварталы, перестали казаться давящими и гнетущими. А свет фонарей разукрасил древний город сотнями волшебных искорок.

Но длилось это недолго.

Как только темнота стала по-настоящему непроглядной, над крышами прозвучал тягучий звук гонга. В тот же миг окна домов окутались дымкой охраняющего заклятия – это активировались магические заслоны, обязательные для каждого дома столицы. Секунду спустя по полупустым улицам пронесся порыв холодного ветра. В подворотнях внезапно за клубился и стал быстро расползаться по улицам плотный туман. А городские стены покрылись густой изморозью, наглядно подтверждая слухи о том, что днем в Аккмале царит вечное лето, тогда как после захода солнца его посещает сама Ледяная богиня[2 - Так на Лиаре называют смерть.].

Горожане давно привыкли к такому ритму жизни, а приезжих загодя предупреждали, чтобы не вздумали соваться на улицу после наступления темноты. В столице всякое случалось. И найденные поутру замерзшие тела на улицах отнюдь не были здесь редкостью. Но, что удивительно, дворцовых садов, некогда возвращенных самим светлым владыкой эльфов, эта беда не касалась.

Король Мирдаис проводил задумчивым взглядом суетящихся под окнами садовников и в который раз подумал, что за полвека правления так и не удосужился разобраться с проклятым туманом. А сейчас даже он потерял значение, потому что в Интарисе, как и на всей Лиаре, наступили тяжелые времена.

– Эпоха заканчивается, – обронил в тишине король.

– Вы правы, сир, – подтвердил из глубины кабинета мягкий баритон. – И мы знаем, что это значит.

Владыка королевства людей обернулся и изучающе глянул на собеседника: сухощавый, с крепкой фигурой воина, гость неподвижно стоял возле кресла и терпеливо ждал, пока король, наконец, сообщит очевидное.

Длинные прямые волосы незнакомца, собранные в небрежный конский хвост, были редкого для Интариса черного цвета. Охотничий костюм зеленовато-коричневых тонов сидел на посетителе как влитой. Потертые ножны в правой руке почти касались пола, а спрятанные там парные клинки стоили бешеных денег: работа мастеров Темного леса была поистине бесценной. Как бесспорным было их умение защищать свои шедевры магическими рунами.

В отличие от короля, гость был высокого роста и непривычно широкоплеч для своей расы. А вот лицо...

Король тихо вздохнул.

Странное это было лицо. Пылающее неестественной красотой и неумолимо притягивающее взгляды какой-то особенной гармонией.

– Я готов, сир, – ровно сказал темный эльф, едва заметно наклонив голову.

Король Мирдаис снова вздохнул:

– Увы, время перемен выпало на нашу долю. Я ждал этого и боялся, что однажды мне придется просить тебя о помощи. Подгорный владыка уже откликнулся на наш зов, Светлый лес прислал своих лучших воинов – они привезли с собой частичку древнего ключа. Вторая, как ты знаешь, хранится у меня, а третья... К сожалению, твои сородичи до сих пор не отозвались.

– Темный лес всегда презирал смертных, – легко согласился эльф. – Им нет дела до остальных. Даже если это грозит падением Границы.

– А ты?

Гость пожал плечами:

– Если демонам удастся вырваться, на Лиаре не останется ни вас, ни нас. Поэтому повторяю: я согласен. К тому же войти в Лабиринт и обновить Границу может лишь темный эльф, а поскольку других кандидатов у нас нет...

Его величество с досадой поджал губы.

– Таррэн, я знаю тебя с того времени, как ты спас мою шкуру в той сваре у Лиандра[3 - Лиандр – крупный торговый город на юге Интариса.]. И отец мой знал, и дед... без тебя не обошлось ни одно покушение, ни одна война, ни одно мало-мальски значимое для Аккмала происшествие за последние пару сотен лет. Ни один перворожденный[4 - Считается, что эльфы стали первой магически одаренной расой на Лиаре.] не сделал для Интариса больше, чем ты! Но разрази меня гром... Я до сих пор не понимаю: почему ты до сих пор здесь?

Темный эльф хмыкнул:

– Может, вы мне нравитесь, сир?

– Шутишь? И брось эти церемонии: мы одни.

Таррэн снова пожал плечами и, прекратив изображать верноподданного, без всякого стеснения упал в ближайшее кресло.

– Можешь считать, что из всех людей ты наиболее близок к нашему понятию «друг». К тому же у тебя спокойная страна и красивый город, в котором не стыдно остановиться и темному владыке. А я гораздо менее привередлив, чем он. Такого объяснения достаточно?

– Нет, – усмехнулся Мирдаис. – Я больше склоняюсь к мысли, что ты несколько десятилетий околачиваешься вблизи Аккмала совсем по другой причине. Это вовсе не из-за заботы о спокойствии наших границ или стремления сохранить дружбу с человеком, которая, между нами говоря, для темного весьма сомнительна... Скажем, из-за моей части ключа?

Эльф ничуть не смутился:

– Такой артефакт не должен оставаться без присмотра.

– Это уже честнее, – вздохнул человек и устало опустился в кресло напротив. – Знаешь, я бы хотел, чтобы мой предок не спасал в той войне шкуру светлому владыке. Чтобы он никогда не получал из его рук этот Торков[5 - Согласно одной из легенд Торк – владыка Нижнего мира, населенного демонами.] ключ. Чтобы проклятые хранители[6 - Хранители – небольшая, но весьма значимая для

эльфийского сообщества каста магов, происходящих из семей, находящихся в близком родстве с правящим домом. В Светлом лесу их называют хранителями трона, в Темном – хранителями знаний.] не выращивали тут в качестве благодарности эльфийские сады, от которых меня, признаться, уже тошнит. Но еще больше я бы хотел, чтобы мне не нужно было ломать голову, как упротить тебя взвалить на плечи эту ношу: забрать последнюю часть ключа у своего владыки, потом прогуляться в Серые пределы в компании двух светлых эльфов и одного сварливого гнома. Пройти насквозь Проклятый лес. Наконец, активировать амулет и вернуться сюда живым и невредимым. Чтобы я смог, наконец, запихнуть этот дрянной артефакт в сокровищницу на следующую тысячу лет и забыть о нем, как о кошмаре!

Таррэн сделал вид, что не заметил прозвучавших в голосе короля ноток отчаяния.

– Где ключ?

– Здесь, – устало отозвался его величество и, сорвав с шеи зачарованный шнурок, бросил артефакт собеседнику. Эльф без усилий его поймал и пристально посмотрел на золотую пластинку в виде ажурного треугольника, по краям которого виднелись отчетливые следы распила. Срез был настолько ровным, что просто не мог быть не магическим, а неповторимая аура артефакта наводила на мысль о том, что в его руках оказался настоящий шедевр.

– До следующего полнолуния два с половиной месяца, – с тяжелым сердцем добавил Мирдаис, – но выходить нужно сегодня. Все необходимое тебе предоставят... если, конечно, ты в чем-то нуждаешься. Сопровождение, правда, будет скромным: в прошлую эпоху, как ты знаешь, отправляли целую армию, а обратно вернулось всего несколько десятков человек, так что теперь мы решили отправить более маневренный и менее заметный отряд. Встретишься с ними через две недели, в караване герра Хатора. Пойдете под видом посланцев в Бекровель[7 - Бекровель – крупный город на восточной окраине королевства.], а у подножия Драконьего хребта[8 - Драконий хребет – горный массив, разделяющий Серые пределы и восточную границу Интариса.] свернете. С вами под видом караванной охраны пойдут пятеро моих лучших воинов и, чтобы облегчить вам жизнь, еще кое-кто... из числа Стражей. Моя часть ключа будет с ним – по ней и узнаешь.

Темный эльф наконец оторвался от созерцания артефакта и удивленно приподнял брови.

- Дикий пес?

- В Проклятом лесу вам понадобится проводник, а этот человек считается лучшим на своей заставе. Орден Отверженных не дремлет... и я не думаю, что за прошедшую тысячу лет все его адепты вымерли.

- Гм, - задумался Таррэн, неохотно возвращая ключ. - Я много слышал о Стражах, и если хотя бы половина того, что о них говорят, правда, то это действительно неплохо. Он будет один?

- Нет, с ним пойдет сопровождающий. Человек тоже надежный, но в пределах рассчитывай только на Стража. И помни: без него вам Проклятый лес не пройти.

- Кто он? Волкодав?

- Гончая.

Эльф присвистнул - вредная привычка, намертво въевшаяся после десятилетий, проведенных среди людей.

Про Диких псов ходило много слухов. Считалось, что именно они на протяжении многих эпох хранили мир от тварей Проклятого леса. Лучшие воины, которых только смогло создать человечество. Непревзойденные мастера, многие из которых могли на равных противостоять даже перворожденным. Верные псы человечества, веками сдерживающие напор голодных чудовищ.

Серые пределы - так называют пограничье, отделяющее Проклятый лес от бесконечной череды неприступных скал Драконьего хребта.

Заставы - так зовутся семь мощных крепостей у подножия этих гор: две гномьи, две эльфийские (темная и светлая), две человеческие (левая и правая), и центральная - самая крупная, где с равным успехом воевали и люди, и гномы, и даже перворожденные. Тоже - Стражи. Дикие псы Серых пределов, несшие свою бессменную вахту вот уже девять эпох.

Среди них были Волкодавы, известные как непревзойденные мастера ближнего боя. Сторожа – без преувеличения, самые меткие стрелки, ничуть не уступающие эльфам в мастерстве. А еще Гончие – совершенно особые бойцы Диких псов: люди, наделенные безупречным чутьем опасности. Идеальные убийцы, о которых даже среди Стражей ходят легенды. Но их было так мало, что на всех семи заставах насчитывалось едва ли больше трех десятков человек.

И вот такую Гончую король дает им в спутники?!

– Неужели он настолько хорош? – с сомнением переспросил Таррэн.

Король Мирдаис загадочно улыбнулся:

– Увидишь. Только учти: у этого... кхм... человека сложные отношения с перворожденными. Так что будь терпелив и не зли его понапрасну.

Темный эльф фыркнул и, поднявшись с кресла, шагнул к дверям.

Гончая, не Гончая... плевать. Главное, чтобы провел через Проклятый лес коротким путем, потому что старых карт уже почти не осталось, да и лес здорово разросся за прошедшую тысячу лет. Девять эпох назад туда излилось столько магии, что местная живность обзавелась привычкой действовать сообща, причем настолько слаженно, что туда не хотелось соваться без веской причины.

– Удачи тебе, Таррэн-бродяга, – неслышно шепнул король Мирдаис, когда за эльфом закрылась дверь. – Попутного ветра и... спасибо за помощь.

Глава 1

Что известно об эпохе расовых войн?

В общем-то не слишком много. Только то, что сумели сохранить древние хроники, хотя и тут не было уверенности, что их не успели грамотно подчистить.

Перворожденных, кто воочию видел Битву тысячи магов, уже не осталось – они или погибли, или покинули Лиару. Спросить больше не у кого, а вспомнить – просто некому. Так что все, что сохранилось с тех времен, – лишь несколько десятков печальных песен да неполный архив, доступ к которому был возможен только с высочайшего соизволения темного владыки.

Зная вздорный характер сородичей, Таррэн подозревал, что одними из главных зачинщиков той войны были именно темные, испокон веков считавшие себя выше остальных. Да и разве не заманчиво – подчинить всю Лиару? Заполучить в свое пользование леса, диктовать условия людям и Подгорному трону... для долгоживущих воинов, с младенчества постигающих искусство войны, это вполне посильная задача.

Правда, затеяли они войну самостоятельно или же на первых порах в этом вместе с темными участвовали и светлые эльфы, сказать трудно. Но вот кто точно не остался в стороне, так это гномы, которые, по давней традиции, выступили сразу против обеих ветвей перворожденных, после чего по Лиаре прокатилась настоящая волна смертей.

Почти пять долгих столетий лилась кровь долгоживущих, которых люди именовали бессмертными, на пылающей от жара земле. Пять долгих веков они ожесточенно резали друг другу глотки и упорно сокращали численность своих рас. Светлые против темных. Эльфы против гномов. Гномы против эльфов... Засады, ловушки, магические вихри... Мир надолго погрузился во тьму. Каждый был против всех, и все дрались против каждого. Кто пришел на Лиару первым? Кто последним? Ушастые мерзавцы или бородатые недомерки? Светловолосые бездари или чернявые идиоты, не помнящие кровного родства? Длинноногие снобы или волосатые карлики?..

Хроники стыдливо умалчивали.

Нет, о прошлом спорили и раньше, но до затяжных войн дело не доходило. А тут бессмертных словно прорвало. В ход шло все: от ножей до таранов, от обыкновенного огня до магических смерчей и землетрясений. Половина мира оказалась сожжена, вторая – заморожена. Горели леса. Рушились горы. И длился этот кровавый кошмар до тех пор, пока позабытые перворожденными люди не поднялись с колен и среди них не появились маги, которые на исходе пятого столетия вмешались во всеобщую свару.

В один из дней на окраине мира встали друг против друга четыре армии: люди, гномы, светлые и темные эльфы. Воины, маги, лучники, мечники... много их было. Очень. И каждый ненавидел соседей так люто, что иначе, чем всеобщим помешательством, это было трудно объяснить.

Десять дней и ночей длилась безумная сеча, прозванная впоследствии Битвой тысячи магов. Миллионы тел, огромные тучи воронья над искалеченными трупами, распухшая от крови земля, разломанные мечи, осколки заклятий, черное небо над головами безумцев... Смерть собрала тогда богатую жатву. Говорят, даже в наши времена в Проклятом лесу, выросшем на месте той битвы, еще можно отыскать рыжую пыль от разложившихся доспехов. А по ночам там плачут и стонут от боли неуспокоенные души. Слишком много крови пролилось тогда на израненную землю. Слишком много проклятий слышали содрогнувшиеся небеса.

И никто не знает, чем бы все закончилось, если бы не нашелся среди этого кошмара тот, кто сумел понять всю глубину нависшего над Лиарой проклятия. Тот, у кого хватило смелости пойти против своего обезумевшего народа. Кто не погнушался просить помощи у смертных, вставших в тот день против него на равных. И сумел ценой жизни остановить эту страшную бойню.

Изиар был владыкой темных эльфов. Одним из тех, кто начинал эту войну и кто первым понял ее бессмысленность. Настоящего его имени никто не знал: те, кто помнил, унесли с собой в могилу, а те, кто выжил, упорно молчали. Даже упоминание о нем в эльфийских хрониках затерли. Потому что именно он был тем сумасшедшим, кто рискнул сунуться в Нижний мир. Возжелав быстрой победы, открыл чудовищный по мощи портал и призвал из небытия жутких демонов, способных вырвать душу даже бессмертного.

Изиар слишком поздно осознал свою ошибку. Слишком поздно увидел, что чужеродные сущности пожирали всех без разбора, не делая различий между темными и светлыми, людьми и гномами, смертными и бессмертными. А спохватившись, попытался исправить содеянное, да только в одиночку это было бесполезно: дверь между мирами была слишком широка, чтобы ее смог затворить один обессилевший эльф.

И тогда Изиар бросил клич, призывая на помощь уцелевших чародеев. Именно с их помощью был создан артефакт, в котором слилась воедино магия четырех рас. Изиар смог отогнать демонов и закрыть их за магической Границей. Затем

окропил раскалившийся добела артефакт собственной кровью и разделил его на две части. Одну укрыл в воздвигнутом здесь же, на поле Лабиринте, подарив ему некое подобие разума, и завещал войти туда только своему прямому потомку. Так был рожден амулет. Вторую часть, ставшую впоследствии ключом, Изиар разделил еще на три части, которые отдал светлым и темным эльфам и гномам. После чего объявил людей полноправной расой. Повелел уцелевшим обновлять силу амулета раз в тысячу лет. Шагнул за Границу, чтобы наложить вторую магическую печать уже изнутри, и исчез среди сонмищ оказавшихся запертых в ловушке демонов.

Больше о нем никто не слышал...

Прошли века. Потрепанные и обескровленные бессмертные ушли в тень, позволив людям занимать опустевшие равнины и стирать с лица земли свои полуразрушенные города. Гномы отправились в подземелья. Эльфы, погрузившись в глубокий траур, долгое время находились в добровольной изоляции. А когда закончилась первая тысяча лет и пришла пора обновить заряд амулета, оказалось, что на Лиаре объявилась еще одна напасть. И на месте древнего побоища за это время вырос непроходимый лес, полный невиданных прежде растений и смертельно ядовитых тварей, сделавших Лабиринт практически недоступным.

Таррэн знал, какой ценой дался первый поход. И знал, для чего в тот же год вдоль всего Драконьего хребта были установлены заставы. Тогда же появились Стражи и началась их первая вахта. И тогда же оказалось, что в рядах человеческих магов зародилось предательство – орден Отверженных, возжелавший заполучить кусочек мощи древнего артефакта. Правда, в первый раз у них ничего не вышло. Но ровно через тысячу лет их потомки снова подняли голову и снова попытались переписать историю.

С тех пор так и пошло: на протяжении целого тысячелетия Лиара жила своей жизнью, почти не вспоминая о прошлом, но на исходе тысячи лет каждая раса выделяла воинов, которые должны были преодолеть долгий путь до Лабиринта и восстановить Границу на следующий период. При этом если со светлыми эльфами и Подгорным народом проблем никогда не возникало, то Темный лес...

Таррэн вздохнул.

Его сородичи всегда отличались непомерной гордыней. А еще он знал то, о чем правитель Интариса не имел ни малейшего понятия. О чем не подозревали светлые. Не догадывались дотошные гномы. То, о чем не знал больше никто, кроме темного владыки Л'аэртэ и его древнего хранителя знаний. Ибо, как оказалось, последняя часть ключа была похищена из сокровищницы владыки и безнадежно затерялась среди смертных. Вот только гордые эльфы никогда не признаются в этом остальным расам. И никогда не позволят себе признать, что уже давно проиграли эту войну.

А конец эпохи все ближе...

Аккмал неумолимо погружался во тьму. Несмотря на обилие фонарей, магических светлячков и блистающих огнями вывесок, город все равно казался недобрым и мрачным.

От очередного порыва ветра темный эльф непроизвольно поежился, поплотнее запахнулся в плащ и ускорил шаг. Холодает. Первый колокол давно отзвенел, второй прозвучал несколько минут назад. Времени до третьего осталось совсем немного, а ему еще нужно было заскочить в пару мест, хотя бы разок взглянуть на попутчиков, а после этого добраться до окраины города, где его ждала теплая постель, горячий ужин и приветливая хозяйка, умеющая держать язык за зубами.

Тем временем улицы города почти опустели. В надежно защищенных домах один за другим загорались приветливые огоньки. Из-за неплотно сомкнутых ставен то и дело слышался приглушенный говор, звон посуды и даже смех, будто спрятавшиеся там люди старались поскорее забыть о выползающей на еженощную охоту тьме. Но не до них сейчас было торопящемуся темному эльфу.

Проходя мимо одной из подворотен, Таррэн краешком глаза уловил какое-то движение и насторожился. В чем дело? Кого-то ждут любители поживы? Или же ищут именно его? Но кто? Свои? Чужие? А может, это орден восстал из праха?

Эльф сдернул со спины тугий лук, который даже в Аккмале не держал зачехленным, и отступил от подозрительной подворотни, не сводя с нее прищуренных глаз. Но там было тихо. Ни звука, ни вздоха, ни шороха убегающих ног, ни даже звона доставаемого из ножен клинка.

Неужели померещилось? Торков Аккмал... не зря его зовут не Городом тысячи башен, а Городом тысячи подворотен!

Для верности Таррэн выждал еще пару минут. А затем с беззвучным вздохом опустил руки. Все-таки показалось... Он медленно отошел от подозрительного прохода, забросил лук за спину, собираясь продолжить путь, потому что время отчаянно поджимало. Уже повернулся, чтобы уйти, но именно в этот момент воздух рядом с ним чуть потеплел.

Темный эльф инстинктивно отступил вперед и в сторону, одновременно разворачиваясь навстречу невидимой опасности, и только поэтому тихо просвистевший во тьме клинок не срубил ему правое ухо, а лишь поцарапал шею.

– Замри! – свистящим шепотом велели сзади, и эльф вынужденно застыл, чувствуя на горле неприятный холодок чужого лезвия. А потом ощутил и укол – под левую лопатку, как раз напротив похолодевшего сердца. – Не дергайся, если хочешь увидеть рассвет!

Таррэн сжал челюсти.

Ловко его поймали. Почти не почувствовал, будто рядом стоял не живой человек, а призрак. Впрочем, человек ли? Ни магического фона, ни тепла от него не ощущалось. У этого типа должны быть стальные нервы, раз он рискнул напасть на перворожденного в столице, да еще и на ночь глядя. Но это точно не гном – гном бы до шеи не достал. Может, эльф? Но темные не посмели бы напасть открыто. А если бы и посмели, то не стали бы церемониться – удавили потихому, и все. Никаких свидетелей, никаких улик. Светлые же тем более не станут нарываться: больно щепетильны они в таких делах, в отличие от смертных, кстати. Но чтобы простой человек сумел подкрасться к эльфу?

– Кто ты? – напряженно спросил Таррэн. – Что тебе надо?

– Слишком много вопросов, – шепнул из-за спины тот же голос. – Стой на месте, эльф, и ничего страшного не случится. Раз уж ты сумел уклониться от моего броска, на первый раз прощаю – живи. Мне сегодня некогда, да и король будет не в восторге от свежего трупа под стенами дворца: облавы пойдут, ненужное

беспокойство. Но за то, что навел на меня стрелу, не обессудь – придется заплатить.

Таррэн скрипнул зубами, но в шею снова предостерегающе кольнуло, надрезав кожу точнехонько над важной жилой, и он позволил неизвестному вору вытащить из-за пояса тугой кошель.

– Гуляй, паря...

Темный эльф снова смолчал. Однако, едва на горло перестала давить невидимая тяжесть, тут же стремительно ушел в сторону, одновременно выхватывая метательные ножи и пригибаясь к мостовой. Без единого звука перекатился по камням, проворно вскочил и почти без замаха швырнул оба клинка в то место, где должен бы стоять незнакомец и где мгновением раньше промелькнула неясная тень.

Ножи тихо просвистели в темноте и с глухим стуком вонзились в стену ближайшего дома.

– Благодарю, – вдруг насмешливо хмыкнул невидимка буквально в шаге от подрагивающих рукоятей. Затем подозрительно легко выдернул обе, окинул оторопевшего эльфа мимолетным взглядом и, сверкнув напоследок бешеной зеленью глаз, исчез.

Эльф беззвучно ругнулся и, подойдя к дому, непонимающе потрогал глубокие ямины на стене. Это был хороший бросок, быстрый. Ножи действительно вошли до упора – человеку было не под силу выдернуть их обратно. А этот тип вынул легко, даже не раскачивая! Спер, иными словами, и даже спасибо не забыл сказать.

– El'lure!..

– Еще раз вякнешь – убью, – вдруг спокойно сообщила темнота над головой эльфа.

Таррэн вздрогнул от неожиданности, резко вскинул голову, но наткнулся на те же странные глаза, сияющие на фоне ночного неба, как два чистейших

изумруда. На миг снова оторопел от необъяснимого ощущения чего-то смутно знакомого, но все же дико неправильного. И только тогда сообразил, в чем же он ошибся: оказалось, ловкий воришка был закутан в черную ткань до бровей. Причем ткань магическую и потому не пропускающую наружу ни единого лучика ауры. Да еще двигался слишком быстро для простого смертного: в какой-то жалкий миг взметнулся наверх, уподобившись сумасшедшей белке, а затем перепрыгнул с одной крыши на другую, чтобы не попасться.

- Что тебе надо? - ошеломленно спросил Таррэн, с трудом приходя в себя.

- Твою шкуру, прибитую над порогом... Да жаль, времени нет. Но если еще раз наткнусь, ушастый, то клянусь: верну твои ножики. Прямо в зубы!

- Зачем тянуть? Решим все сейчас?

- Перебьешься.

Зеленые огни раздраженно мигнули и пропали. С крыши дома не донеслось ни шагов, ни шелеста одежды, не слетело ни единой пылинки, но ощущение чужого присутствия исчезло. На этот раз - насовсем.

Темный ошалело потряс головой. Да что же это такое-то?! Может, ему померещилось впотьмах? В Городе тысячи башен кого только не встретишь! Он задумчиво провел пальцами по шее и стряхнул на землю несколько алых капелек. Нет, не привиделось. Просто, как оказалось, в этом мире есть существа, способные сравниться в скорости даже с эльфами. И в умении маскироваться - тоже. А сознавать это было весьма неприятно.

Очередной порыв ветра некстати напомнил о деле и заставил Таррэна поторопиться. Поняв, что времени осталось в обрез, эльф неохотно оставил идею выловить ловкого воришку и вытрясти из него правду. А затем направился прочь, настороженно поглядывая по сторонам, откуда все сильнее тянуло могильным холодом.

Он не пользовался магией, нет. От этого вредного занятия его отучила почти двухвековая погоня, организованная ближайшими родичами, и время. Ибо нет более верного способа засечь мага, как по остаточному следу заклятия. Поэтому приходилось пользоваться лишь природными умениями и врожденным чутьем,

которое через несколько кварталов снова подало тревожный сигнал.

Эльф мгновенно оцетинился и потянулся за родовыми мечами, инстинктивно отступив к стене ближайшего дома. Настороженно огляделся. Прислушался, но, кроме далекого смеха, невнятного говора за плотно прикрытыми ставнями и торопливого топота башмачков на соседней улице, ничего не услышал. Правда, его второе сердце в какой-то момент предупреждающе похолодело, как и несколько минут назад, когда опасность подкралась совсем близко. Но потом успокоилось. Так же быстро, как и разволновалось.

Выждав для верности еще немного, Таррэн перевел дух: своему сердцу он привык доверять. И раз оно замолчало, то, что бы его ни встревожило, опасность прошла стороной. Интересно, что за твари развелись в Аккмале? Вроде бы король не упоминал ни о чем подобном. Да и в прошлые визиты было много спокойнее...

Пробежав быстрым взглядом по ближайшим окнам, закрытым на засовы дверям и высоким заборам, Таррэн миновал три последних дома и свернул за угол. Но на самом повороте все-таки не удержался: обернулся...

Лучше бы он этого не делал! Потому что в нескольких десятках шагов с плоской крыши одного из домов на него внимательно смотрели крупные, хищно прищуренные глаза, горящие какой-то неестественной желтизной с явной примесью зелени. Прямо как у того типа, что едва не перерезал ему глотку. Только эти были заметно больше, а сгустившаяся за ними тень – гораздо массивнее, как у припавшего перед прыжком зверя. И сидело это существо аккуратно напротив того места, где у него сердце неровно стукнуло.

Эльф снова потянулся за оружием, но странная тварь приподняла морду кверху и шумно втянула ноздрями воздух. После чего довольно рыкнула, бесшумно спрыгнула на мостовую и, скользнув под ярко освещенными окнами, быстрее молнии пропала вдали. Только успела показать напоследок крупные костяные пластинки на шипастой спине, неровную сероватую кожу, больше похожую на невиданные доспехи, в кромешной тьме сверкнули белоснежные клыки, вильнул кончик гибкого хвоста, и все стихло.

Таррэн проследил направление движения жутковатого монстра. Недолго подумал, на кого мог охотиться этот оживший кошмар, но потом вдруг

усмехнулся: кажется, удачливому воришке не повезло – тварь взяла его след, а значит...

В этот момент совсем неподалеку послышалась подозрительная возня. Затем раздался звучный шлепок, короткий вскрик, хищный щелчок сомкнувшихся челюстей. После чего эльф хладнокровно констатировал, что незадачливый парнишка все-таки попался. Эльфийские магические ножи, конечно, было жалко, но возвращаться за ними не позволяло время, поэтому темный лишь удовлетворенно кивнул и, мысленно похвалив «кису», поспешил убраться с негостеприимных улиц Аккмала.

Глава 2

Караван оказался большим и богатым: герр Хатор слыл удачливым купцом. Но не только потому, что умудрялся исполнять роль посредника между Интарисом и Светлым лесом. И не по причине того, что даже гномы позволяли ему торговать в своих городах. А еще и оттого, что за товаром он всегда следил сам и никогда не скупился на достойную охрану.

Вот и сейчас вокруг полутора десятков тяжело груженных подвод, ведомых могучими лошадьми знаменитой дорасской породы, вилось почти два десятка вооруженных всадников в кожаных доспехах. Стальные пока не надевали – жарко, но их краешки периодически выглядывали из переметных сумок. Шлемы воины приторочили к седлам, рядом пристроили ножны с мечами, за спинами у многих виднелись тугие луки. Плюс у возниц за пазухой торчало по паре внушительного вида тесаков, которыми молодые парни умели неплохо пользоваться, а рядом за облучком прятались готовые к работе арбалеты, словно уважаемый герр Хатор готовился к настоящей войне.

Стояло утро десятого дня, как караван миновал ворота Аккмала и потянулся на запад Интариса. Местность вокруг простиралась холмистая, деревушки и небольшие городки встречались часто: есть где и отдохнуть, и коней напоить, и стаканчик вина выпить перед сном. Постоялых дворов хватало, беспокоиться о ночлеге пока было не надо, а потому новый день не сулил никаких неприятностей.

На поравнявшегося с передней телегой всадника охрана почти не обратила внимания. Почти – потому что все-таки была при деле, однако одиночка для крупного каравана опасности не представлял. Тем не менее внимательные глаза пробежались по фигуре незнакомца. Оценили ширину его плеч. Моментально подметили отсутствие мизинца на правой руке. После чего пошарили по седельным сумкам и с возросшим уважением рассмотрели длинные ножны, притороченные под правую руку. Меч путника был на редкость велик, а тонкая рунная вязь вдоль хищно изогнутой гарды явно была сделана Подгорным народом. И это позволяло заключить, что путник, одетый не богаче иного селянина, имел слишком дорогое оружие, чтобы действительно быть тем, за кого себя выдавал.

Незнакомый воин был немолод – в густых усах и коротких волосах поблескивали седые прядки, но его фигура буквально дышала силой. На левой щеке красовался старый рубец, оставленный чьей-то саблей. Потемневшее от загара лицо с тонкой сеточкой морщин в уголках глаз казалось вырезанным из дерева. Тяжелый подбородок был гладко выбрит. Прищуренные серые глаза с не меньшим вниманием пробежались по караванщикам и мгновенно выделили три сухощавые фигуры, укрывшиеся от солнца одинаковыми плащами.

При виде них незнакомец едва заметно кивнул и остановил тяжелый взгляд на властно вскинувшем руку всаднике – молодом южанине с длинной черной косой и традиционными парными саблями за плечами.

Тот вопросительно вздернул подбородок:

– Чего надо?

– Могу ли я увидеть уважаемого герра Хатора? – хрипловатым басом поинтересовался странник.

– Кто там, Гаррон? – раздалось из-под ближайшего полога, и оттуда показалась бородатая физиономия, украшенная густой шапкой темных кудрей и роскошными усами. Следом выглянул и сам хозяин – крупный, ширококостный мужчина в дорогом кафтане, подпоясанном кожаным ремнем.

Герр Хатор пристально всмотрелся в незнакомца и сразу подметил приметный кожаный шнурок на мощной шее, после чего обернулся и озадаченно посмотрел

на пустынную дорогу, словно ждал кого-то еще. Однако никого больше не нашел, после чего слегка нахмурился и все-таки спросил:

– По делу или как?

– По делу, уважаемый. Возможно, вам не мешает еще один человек в охране?

– Возможно, – медленно ответил купец и взглянул еще острее. – Ворья на дорогах много, а достойных воинов найти трудно.

Седовласый слегка улыбнулся:

– Может, я вам подойду? Герр Тирас отзывался о вас, как о разумном человеке.

– Может, и подойдешь... – Караванщик странно пожевал губами и кинул быстрый взгляд на три молчаливые фигуры в плащах. – Гаррон, я предупреждал тебя о гостях. Займись им. Бумаги с собой?

Воин кивнул и передал запечатанный сургучом свиток. Быстро пробежав по нему глазами, купец убрал его за пазуху и посмотрел на незнакомца совсем другим взглядом, в котором читалось облегчение.

– Оплата – пять золотых сразу, еще десять – по прибытии на место. Оружие и снаряжение свое. Обязанности уточнишь у Гаррона – с этого момента за тебя отвечает он. Все вопросы по работе тоже к нему, а об остальном поговорим вечером. – Герр Хатор чуть прищурил глаза и негромко добавил: – Правда, кузен обещал мне двоих помощников в дорогу, а не одного.

– Со мной едет племянник, – спокойно кивнул незнакомец.

Гаррон преувеличенно внимательно оглядел новичка со всех сторон и глубокомысленно нахмурил лоб, словно стараясь понять, куда пропало еще одно действующее лицо. Однако рядом не оказалось никого, подходившего под описание племянника. Разве что сопящий под гостем здоровенный жеребец, у которого из всех достоинств только и было, что могучая стать и поистине фантастическое спокойствие.

Герр Хатор хмыкнул:

– Гаррон, перестань сверлить глазами несчастное животное. Вряд ли наш гость имел в виду коня.

Кто-то из старательно прислушивающихся охранников негромко хохотнул, а смуглокожий южанин растянул губы в тонкой усмешке и виновато развел руками:

– Что поделаешь, господин, никого другого рядом нет. Не забыл ли ваш гость племянника на постоялом дворе? Или, может, потерял где-то по дороге?

Незнакомец тоже хмыкнул:

– Нет, не забыл. Малыш сейчас будет.

Его прервал стремительно нарастающий грохот копыт, доносящийся откуда-то сверху, будто невидимый путник отчаянно спешил и мчался по верхушке ближайшего холма во весь опор, не обращая внимания на мелкие ямки и реальную опасность сверзиться на полном скаку.

Гаррон не успел додумать мысль, как из-за ближайшего гребня показался крупный зверь с развевающейся иссиня-черной гривой. На его спине нелепым горбом прилепилась сжавшаяся в комок фигурка. Казалось, лихой наездник не заметил, что земля под ногами скоро закончится, и легкомысленно послал вороного вперед, ибо приземление с такой высоты на пологий склон грозило коню переломанными ногами, а наезднику – гарантированно свернутой шеей.

Кто-то в караване ахнул, решив, что вот-вот случится беда, но вороной ловко спружинил при приземлении. Резко присел, упершись передними копытами в землю и едва не прочертив в жесткой траве длинную борозду крепким задом. А потом так же уверенно, не сбавляя скорости, заскользил по склону вниз, взрывая широкими копытами землю. Еще через пару мгновений конь достиг подножия холма и коротким, но мощным прыжком оказался рядом с седовласым, где и встал как вкопанный.

– Здор-ро?во, Дядько?! Извини, мы малость задержались, – раздалось звонкое со спины вороного, и из-за длинной гривы кто-то звучно чихнул. – Карраш! Ты опять поднял жуткую пылицу! Неужели нельзя было соскочить поаккуратнее?!

Конь довольно всхрапнул, ничуть не расстроившись из-за густых клубов пыли, вьющихся над головами караванщиков. Затем гордо выпрямился, обведя высокомерным взглядом изумленно разинувших рты всадников, и дерзко потрянул роскошной гривой.

Знающие люди присвистнули. Вот это да! Гаррканец[9 - Гаррканец – элитная порода лошадей.]! Вон как глазищи раскосые сверкают! А стать! А характерный гребешок над переносицей! Нет, точно гаррканец! Причем вороной, что уже совсем редкость, из той изумительной породы, которая признается лучшей даже перворожденными!

– Ты опоздал, Бе?лик, – проворчал седовласый, выразительно нахмурившись.

– Ну и что? – непонимающе переспросил гость, и Белик, наконец, выпрямился. На Гаррона взглянули пронзительные голубые глаза под пышной копной коротко стриженных каштановых волос. Безусое лицо с широкими скулами и острым подбородком больше подошло бы девице, чем юному балбесу, обожающему рискованные прыжки в неизвестность. Или же полуэльфу, для которых в юности характерны некая изнеженность и излишняя мягкость черт. Но молодой повеса быстро отвернулся, ненароком продемонстрировав совершенно обычную форму ушей.

– Дядько, я не виноват. Ты же знаешь, что Карраш совершенно несносен, пока не набегается вволю, поэтому мне пришлось... Ты обо всем договорился?

– Договорился. Мы идем с караваном, но чтобы я от тебя больше таких финтов не видел!

– Но...

– Белик!

– Ладно, ладно. – Юноша уныло вздохнул. – Уже и пошутить нельзя.

– Будь добр, избавь нас от этого сумасбродства хотя бы на три недели. У меня нет никакого желания устраивать разборки из-за твоих выкрутасов. Здесь не дом: людей, знающих твою родословную, нет.

Герр Хатор оглядел юношу и с легким разочарованием убедился: действительно, мальчишка.

– Это и есть твой племянник?

– Он самый, – невозмутимо кивнул седовласый. – Довезу с вами до дома, а там по своим делам поверну.

– Полагаю, он не доставит моим людям беспокойства. – В глазах купца мелькнула и тут же угасла искорка интереса.

– Пусть только попробует.

Герр Хатор вежливо кивнул и, словно сделав для себя какой-то вывод, отвернулся. А Белик печально констатировал:

– Зануда ты, Дядько. Нет в тебе никакого азарта. Живешь, как черепаха в своем панцире, а время-то идет... так и помереть от скуки недолго.

– Что? – заинтересованно обернулся седовласый, демонстративно нашаривая что-то на поясе.

– Да понял я, понял! – поспешил заверить его племянник, но на всякий случай отодвинулся: похоже, рука у дядьки была тяжелая. – Буду вести себя прилично!

– То-то же...

Поняв, что на этот раз обошлось, мальчишка пристроился рядом с суровым дядюшкой и с любопытством завертел головой по сторонам. Норовистый гарконец то и дело пытался сорваться в галоп, чуть не приплясывая от избытка сил. Временами принимался грызть удила, издавая при этом отвратительный скрежет, будто вместо обычных зубов у него в пасти торчали трехвершковые клыки. А проходя мимо одной из телег, вдруг дернулся и едва не куснул

обомлевшего от неожиданного испуга гнедого, чем немедленно подтвердил всеобщее мнение, что гаррканцы имеют крайне сложный и неуживчивый характер, из-за которого спрос на них был хоть и большим, но все же не громадным.

Правда, стоило Белику хлопнуть ладонью по мохнатым ушам, как Карраш немедленно притих. Пошел дальше ровным шагом, умильно косясь на хозяина и всем видом демонстрируя покорность.

Обломать такого зверя даже эльфам стоило немалых трудов, но уж если это удавалось, то лучшего спутника на беспокойных дорогах Лиары было не сыскать. Гаррканцы по праву считались зверьми умными, выносливыми и очень быстрыми, но при этом своенравными и агрессивными. А у этого даже имя было подходящим – Карраш. Кажется, так звали одного из демонов владыки Нижнего мира? K'charrasi, если по-эльфийски?

Герр Хатор усмехнулся про себя, распознав на парнишке ланнийский[10 - Ланния – одно из небольших королевств, граничащих с Интарисом на западе. Известна многочисленным пантеоном богов и налаженным производством дорогих тканей.] шелк тщательно заправленной рубахи, отлично выделанную кожу короткой черной куртки. А потом заметил пару рукоятей на узком поясе, искусно отделанных шкурой каменной ящерицы, и удивился.

Кажется, парень ловко обращается с ножами? Правда, фигурой далеко не атлет, но подтянутый, жилистый, гибкий, как виноградная лоза. У богато отделанного седла виднелся приличных размеров дорожный мешок, под ним притулился длинный сверток, перетянутый толстой бечевой, в котором с одинаковым успехом мог оказаться как зачехленный лук, так и туго свернутый походный шатер. Но даже если купец ошибся, все равно было очевидно: мальчишка родом из богатой семьи, а строгий опекун наверняка должен сопровождать знатного отпрыска до дому.

– В Бекровель? – понимающе хмыкнул южанин, нагнав обоих.

Дядько молча кивнул.

– Я Гаррон. Во всем, что касается охраны, мое слово – закон. Все остальное – к господину Хатору. Привал – примерно в два часа пополудни и еще один –

ближе к ночи. Выступаем с рассветом.

– Мы пуховыми перинами не избалованы.

– Говори за себя, – проворчал Белик, недовольно насупившись.

– Ничего. Всего пара-тройка дней, а потом забудешь про разносолы столицы. Гм, а то и сырое жрать начнешь: в пути не до излишеств, – так же ровно сообщил седовласый, на что юноша насупился еще больше и сердито сверкнул глазами.

Ох, ну и взгляд у пацана!

Гаррон невольно улыбнулся про себя и, кивнув новым попутчикам, отъехал в сторону, успев, впрочем, расслышать за спиной негромкое ворчание:

– Угораздило же меня с вами связаться... три недели в дикой скукоте! Жить впроголодь, спать на земле, ни тебе нормальной охоты, ни развлечений, ни одной красивой... Дядько-о-о! – вдруг восторженно выдохнул Белик. – Что ж ты раньше не сказал, что тут есть прелестные барышни?! Это же в корне меняет дело!

Южанин понимающе хмыкнул и кивнул обеим дочерям герра Хатора, как раз выбравшимся на облучок подышать свежим воздухом. Старшая, Ивет – внушительных размеров женщина с восхитительными формами, два года как была замужем и сейчас вместе с отцом возвращалась к супругу в Бекровель. Зато вторая...

Он мысленно причмокнул, одобрительно провожая глазами ладную фигурку младшенькой Илимы, облаченную в расшитый бисером сарафан, но быстро отвернулся и со вздохом напомнил себе, что состоит на службе. Впрочем, рядом с барышнями всегда держалась еще одна девчонка – симпатичная служаночка Лиля, у которой ножки тоже были ничего. А над той цербером стояла грозная повариха и, по совместительству, нянька для девиц, с которой приходилось считаться и обходить строгую дуэнью стороной, потому что ее вызывающие уважение габариты лишь немногим уступали формам старшей дочери купца. Да и сила в изящной женской ручке была о-го-го: от одного ласкового удара в лоб громадной скалкой падал на скаку даже боевой носорог.

Белик, разумеется, ничего этого не знал, поэтому со всей галантностью поклонился прекрасным дамам прямо из седла и, развернув гарканца, многообещающе заулыбался. А наученные горьким опытом караванщики переглянулись и, хмыкнув в усы и бороды, приготовились к незабываемому развлечению.

– Здравствуйте, леди...

– Чего ты лыбишься, недоросль? – грубо оборвала парня милейшая донна Арва, приподняв над повозкой свой могучий торс. – Сперва женилку отрасти, оболтус сопливый, а потом глазки строй! То не про тебя яблочки! Пошел отсюда! И язык свой не забудь! А то вон как раскатал по дороге! Слюни за версту видать!

Караванщики слаженно гоготнули: госпожа кухарка была сегодня в ударе. Вон как отбрила сопляка! Как раз должно хватить, чтобы незадачливый ухажер подавился следующей фразой.

– Мое почтение, уважаемая донна, – ничуть не смутился юноша. – И в мыслях не держал ничего недостойного, способного оскорбить вас или ваших прелестных подопечных. Выражаю свое глубочайшее восхищение, сударыня, и искренне прошу простить, если мой тон или слова задели вашу нежную душу. Ни в коей мере не хочу показаться невежливым, но могу ли я хотя бы узнать, как зовут тех, рядом с кем нам придется пробыть несколько замечательных недель? Ибо сердце мое полнится восторгом при одном взгляде на ваши прекрасные лица, а глаза не могут оторваться от созерцания подобного совершенства... всего одно слово, и я уйду! Клянусь! Только одно!

Белик выжидательно замер.

Над караваном повисла тишина, в которой мерно поскрипывали тяжелые телеги да слышалось жужжание неугомонной мошкары. Вот так номер! Назвать здоровущую бабу с норовом бешеного буйвола красавицей... кхе... кажется, у мальчика не все в порядке со зрением. Или же очень своеобразное чувство юмора, потому что испытывать восхищение при виде маленьких глазок, наполовину скрытых складками на щеках, носа-пуговики и мясистых губ мог лишь вырвавшийся на свободу каторжник, сто лет не видевший ни одной женщины. Или извращенец, нашедший, наконец, свой идеал. Однако ни на того, ни на другого пацаненок не походил: больно ухожен был и хорошо одет. Вряд ли такой

был обделен вниманием красоток. Но ведь говорил-то он искренне! А смотрел с таким неподдельным удовольствием, что становилось неуютно от ощущения глубокого и абсолютного непонимания ситуации.

Грозная воспитательница застыла с разинутым ртом, наполовину свесившись с угрожающе скрипнувшего борта, а вторую часть своего дородного тела оторопело опустила на жалобно скрипнувшее сиденье.

- Донна? – вежливо напомнил о себе юноша, когда молчание затянулось.

- Чё? – ошарашенно мигнула толстуха.

- Могу ли я узнать ваше имя?

- А-арва.

- Благодарю, сударыня, – еще галантнее поклонился Белик, подбираясь ближе к заветной повозке. Карраш под ним даже шею изогнул, бессовестно красуясь и невольно притягивая восхищенные взгляды. – Позвольте выразить искреннее удовольствие от встречи. Польщен вашим доверием и еще раз прошу простить мою настойчивость... А кто эти красавицы?

Пронзительные голубые глаза, наконец, выпустили из плена остекленевший взгляд кухарки и плавно обратились в сторону не менее ошарашенных девичьих лиц.

- Илима, – смущенно опустила ресницы симпатичная остроносая девушка в сарафане, нервно теребя толстую русую косу и неуверенно поглядывая на строгую няньку. Но та оказалась настолько растеряна поистине убийственной вежливостью, что не сразу сообразила, что происходит, а мальчишка тем временем подступил еще ближе.

Караванщики следили за ним с нескрываемым интересом, даже возницы не поленились привстать со своих мест, а многочисленные охранники развернулись в седлах: подобного случая нельзя было упустить. Чтобы свирепая бабища да не нашлась с ответом?!

– Польщен. А вы, сударыня? – бархатным голосом повторил Белик, уже находясь у самого борта повозки, и его, как ни парадоксально, все еще никто не шуганул.

– Ивет, – низким голосом пробормотала старшая купеческая дочь.

– Я запомню, – беззвучно шепнул юноша, в упор взглянув на дам, и мягко улыбнулся.

Такого коварства не выдержала даже донна Арва: она вздрогнула, распахнула васильковые глаза и (о чудо из чудес!) неуловимо порозовела! А обе сестрицы потупились и вспыхнули как маков цвет.

Гаррон невольно восхитился: вот мерзавец! Едва на дорогу ступил, а главный враг мужского населения уже позорно капитулировал! Даже герр Хатор, прислушивающийся к короткому диалогу, соизволил улыбнуться! Нет, ну надо! Каков шельмец! Кажется, господину купцу придется тщательно следить за дочерьми, если он не хочет получить через несколько месяцев незапланированных внуков.

Белик еще раз поклонился и вернулся к опекуну, с потрясающей невозмутимостью проигнорировав изумленно-завистливые взоры. Правда, Гаррону все-таки успел незаметно подмигнуть, а тот, в свою очередь, сумел подметить отчаянно веселые огоньки в глазах, и это восхитило его еще больше.

Нет, ну что за стервец! Неизвестно, как у него обстоят дела на любовном фронте, но охмурять женщин уже отлично получается. Будет странно, если через пару дней хоть одна из девиц не надумает отлучиться с этим столичным выскочкой в сторонку, пока не видит строгий папенька!

– Не стыдно тебе? – негромко спросил Дядько, едва с ним поравнялся легкомысленно насвистывающий наглец.

– За что? Сделать комплимент очаровательным дамам – разве преступление? Я просто высказываю свое восхищение. Это не запрещено.

– Смотри у меня!

– Дядько, что за намеки? Ты ж меня знаешь! – «оскорбился» молодой человек.

Седовласый только вздохнул:

– В этом-то и проблема.

Привал сделали точно по графику. Но вовсе не потому, что герр Хатор был педантичным занудой – просто разумнее было переждать неумолимо надвигающуюся жару в тени раскидистых деревьев. И пусть, спасаясь от палящего солнца, путники сделали остановку, не дожидаясь ближайшей деревни, зато они могли спокойно перекусить, отдохнуть перед дальнейшей дорогой. Заодно напоить коней, проверить постромки, внимательно осмотреть тележные оси, чтобы не оказаться в самый неудачный момент посреди леса с разломанным колесом да с разбросанным в пыли редким и дорогим товаром. Распрягать могучих дорассцев, разумеется, никто не стал, зато расторопные возницы подвесили к конским мордам щедро наполненные овсом торбы, заботливо обтерли влажные бока и живо натаскали воды из близкого притока речки Язузы.

Остальные с удовольствием размялись и, неторопливо обойдя окрестности разбитого бивака, с чувством выполненного долга развалились в теньке, после чего принялись ждать законной порции мясной похлебки, которую пришедшая в себя повариха уже активно варила в походном котле.

Белик, старательно зарабатывая благосклонность главной женщины в караване, не погнушался собственноручно притащить с реки целых три ведра воды, умудрившись при этом пересечься со смущенно опускающей глаза Илимой и молоденькой служанкой. Обеих одарил белозубой улыбкой, за что был вознагражден робкими взглядами, завистливыми подначками и... крепким подзатыльником от дядюшки. Однако пренебрежительным отношением ничуть не озаботился, на беззлобный хохот караванчиков не обратил внимания, а от тяжелой руки наставника ловко увернулся. После чего с гордым видом донес полное до краев ведро, которое даже в такой критической ситуации сумел не расплескать. С преувеличенным почтением встал возле донны Арвы и с победным видом обернулся, явно собираясь показать гнусным насмешникам язык. Но именно в этот момент наткнулся на три молчаливые фигуры в серых плащах, всю дорогу державшихся в стороне, и застыл, как изваяние.

Странная тройца расположилась на отшибе и впервые за утро скинула капюшоны. На солнце блеснули золотом поразительно длинные шелковистые волосы двоих путников, заплетенные в причудливые косы. У третьего волосы были угольно-черными, небрежно забранными в обычный конский хвост. Под жарким солнцем на мгновение промелькнули неестественно правильные лица, кончики длинных ушей, пронзительные зеленые глаза, свойственные всем перворожденным...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Интарис – самое крупное королевство людей. Расположено на западе мира, называемого Лиарой. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Так на Лиаре называют смерть.

3

Лиандр – крупный торговый город на юге Интариса.

4

Считается, что эльфы стали первой магически одаренной расой на Лиаре.

5

Согласно одной из легенд Торк – владыка Нижнего мира, населенного демонами.

6

Хранители – небольшая, но весьма значимая для эльфийского сообщества каста магов, происходящих из семей, находящихся в близком родстве с правящим домом. В Светлом лесу их называют хранителями трона, в Темном – хранителями знаний.

7

Бекровель – крупный город на восточной окраине королевства.

8

Драконий хребет – горный массив, разделяющий Серые пределы и восточную границу Интариса.

9

Гаррканец – элитная порода лошадей.

10

Ланния – одно из небольших королевств, граничащих с Интарисом на западе. Известна многочисленным пантеоном богов и налаженным производством дорогих тканей.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lisina_aleksandra/temnye-vremena-vrag

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)